ОРУЖИЯ

Юр. ЗУБКОВ

ОНИ знакомятся летом в деревне. Он — сын крупного ученого — проходит здесь практику, собирает фольклор. Она — дочь маляра — приехала сюда с геологической партией. Познакомились, полюбили друг друга. По возвращении в город любовь молодых людей подвергается суровой проверке — родители непременно хотят женить своего сына на генеральской дочери, хотя ни он, ни генеральская дочь к этому не стремятся, друг друга не любят. Брак с дочерью маляра родителям парня, особенно матери, кажется мезальянсом. Но любовь выдерживает все испытания и побеждает. Сначала находят общий язык отцы, которые, как выясняется, воевали на одном фронте. Затем приходится согласиться на «неравный брак» и матери.

Комедия с этим сюжетом так и называется — «Неравный брак». Ее авторы — молодые и, безусловно, способные ленинградские писатели В. Константинов и Б. Рацер.

Думаю, что в той критике, которая раздавалась в адрес этой комедии со стороны некоторых печатных органов, есть немало справедливого. Образы ее недостаточно глубоки, недостаточно значительны. Легко сыграть ее поверхностно, впасть в банальность. Но я видел постановку, осуществленную во Владивостокском драматическом театре имени М. Горького талантливым мастером комедийного жанра А. Присяжнюком. Пьеса поставлена изящно, со вкусом, остроумно. Спектакль ярко выявляет заключенную в комедии нужную и полезную, по-настоящему современную мысль. Мысль о том, что встречаются еще в нашем обществе люди, которые помнят о своем рабочем происхождении, рабочем первородстве лишь тогда, когда заполняют нужные им анкеты. Дома же ореховая мебель и граненый хрусталь, норковые шубки и золотые сережки порой заслоняют от них это. И забывая о непреходящем значении рабочего класса, о том, что он-то и есть самая соль нашего общества, они начинают измерять достоинство человека не его трудом, а его вещами, становятся их рабами.

Разумеется, было бы неверно переоценивать эту пьесу, делать ее основой театрального репертуара. Но также было бы неверно не замечать тех творческих возможностей, которые она открывает перед режиссурой, обладающей не только склонностью к комедийному жанру, но и хорошим вкусом, надежно предохраняющим от банальности и пошлости. Неверно грехи некоторых спектаклей целиком перекладывать на плечи авторов, забывая о том, что режиссура далеко не полностью использовала добрые возможности драматургического произведения. Неверно, наконец, не видеть определенного шага, сделанного В. Константиновым и Б. Рацером в сторону и содержательности, и естественности положений в «Неравном браке» по сравнению с их же комедией «Десять суток за любовь».

При всех своих минусах «Неравный брак» все же выгодно отличается от тех пьес, где вся комедийность состоит только в любовных недоразумениях, а вся мысль сводится к тому, что не знаешь, где и при каких обстоятельствах повстречаешь свою суженую. Но, видимо, в силу соображений пресловутой «кассы» лидируют на театральной афише подчас именно такие бездумные, поверхностные, а подчас и пошловатые пьесы. Комедии же или водевили, пронизанные доброй мыслью о человеческом достоинстве, о нравственной требовательности (а такие хоть и не часто, но все же появляются), привлекают внимание театра значительно меньше.

В подзаголовке пьесы А. Софронова «Не верьте мужчинам...» значится — комедия. Но, полагаю, без ущерба для произведения и его авторитета с полным основанием можно было бы поставить: водевиль. Я не видел этой пьесы на сцене, но даже и в чтении она вызывает смех. Однако смех смехом, а пьеса пробуждает также и добрые чувства, и глубокие мысли.

Известный художник Кольцов увлекся женщиной, с которой случайно познакомился в одном доме и видел-то всего два раза. Найденова — замдиректора треста столовых и ресторанов. Ошибившись однажды, Найденова боится скоропалительности в любви. Ей важен человек, его нравственные качества, а не его положение и заработки. Она полная противоположность своей приятельнице Тузовой, которая рассуждает так:

ТЕАТР

ЛЮБИМЕЙШЕГО РОД

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ КОМЕДИИ

«Любовь сейчас только в старых романах. Все так ушло далеко... Встречаешь человека, он тебе нравится, ты ему не безразлична. У него хорошая квартира. Машина. Дача под Москвой... Остальное приложится».

Любовь Найденовой требовательная, за любовь, считает она, если необходимо, нужно сражаться. Для нее брак — это единение душ, а не средство устроиться, не спасение от одиночества.

Но если к пьесе «Не верьте мужчинам...» приложимо и определение «водевиль», то другая пьеса А. Софронова—«Странный доктор»—безусловно, комедия. Нравственный потенциал ее в общем-то близок нравственному потенциалу пьесы «Не верьте мужчинам». Она также направлена против легковесных, скоропалительных отношений, против подмены любви ее суррогатом. Утверждает любовь требовательную, мужественную, бескомпромиссную. Общественный же потенциал «Странного доктора» шире. Действие пьесы происходит в деревне и запечатлевает новый облик сегодняшнего человека колхозного села, новые взаимоотношения людей. Пьеса пронизана требовательной мыслью об уважении к женщине, о необходимости видеть в жене не кухарку или прачку, а товарища по жизни, единомышленника, человека широких умственных и общественных интересов. Главной выразительницей этой мысли и является сам «странный доктор» — героиня комедии Мария Петровна Трубачева.

Комедии, о которых пока шла речь, населены по преимуществу честными, умными, добрыми людьми. Разумеется, не без изъяна. Однако главное и определяющее в этих людях — их положительное начало. Но может быть современная советская комедия и иного рода — в ней в основном могут быть выведены на осмеяние духовные мещане, а главным положительным героем будет противостоящая им современная советская действительность. В качестве примера мне бы хотелось привести комедию Я. Костюковского и М. Слободского «Душечка — 70».

Кто не помнит Оленьку Племянникову — героиню знаменитого чеховского рассказа «Душечка». Внешне милую и приятную женщину, обладавшую способностью к удивительной душевной мимикрии — за кого она выходила замуж, к тому человеку полностью и безоговорочно приспосабливалась. Приспосабливается к своим мужьям, безоглядно их боготворит и современная Оленька Племянникова — героиня комедии «Душечка — 70». И она человек без своего лица, этакая духовная амеба, безликая мещанка. Главный свой удар авторы комедии, однако, наносят не по Оленьке Племянниковой, а по ее «ультрасовременным» мужьям. Первый из них — фарцовщик, ловко маскирующийся под засекреченного ученого-физика. Второй — кинорежиссер-модник, непрерывно оглядывающийся в своих «поисках» на современное западное буржуазное искусство и утешающийся мыслью о том, что, коли его не понимают сегодня, поймут в будущем. Третий — художник-модельер. Однако не столько художник, сколько ловелас, пытающийся каждую очередную модельершу превращать в свою любовницу, так сказать, поэт секса. Четвертый — пожилой ученый, пришедший к выводу, что гораздо выгоднее не работать, а стричь купоны с когда-то сделанного и вести растительно-животный образ жизни.

Авторы комедии «Душечка — 70» остро бичуют недостатки и болезни, встречающиеся в действительности и мешающие нам жить и работать. Конечно, духовным уродам, которые окружают Оленьку Племянникову, противостоят и в самой комедии нравственно здоровые, умные, честные люди. Но главный положительный герой пьесы — это наш нравственный и гражданский идеал, с высоты которого авторы и ведут свою уничтожающую критику смехом.

Пьеса написана остроумно, метко, зло. Вот, например, как Оленька вполне серьезно и убежденно характеризует своего второго мужа, да и не только его:

Не реализма манной кашкой
Теперь питается кино,
Нет, симбиозом Фрейда с Кафкой
Оно оплодотворено.
Мой муж не в кинонафталине,
Он ищет стиль, и цвет, и звук.
Мой муж пока что не Феллини,
Но он уже не Бондарчук!..

Достаточно этих восьми пародийных по своей сути строчек, чтобы понять, с каких позиций и по каким целям авторы комедии ведут огонь. И очень обидно, что поставивший эту пьесу в Горьковском театре комедии режиссер А. Кокорин не разобрался в ней, в ее целях, свалив отрицательных и положительных персонажей в одну кучу. Лишив пьесу остроты и соли, он превратил ее в беззубое, балаганное зрелище.

Неудача Горьковского театра комедии, а точнее — режиссера спектакля, на мой взгляд, не совсем случайна. Она заставляет задуматься над тем: а не утратили ли многие наши театры вкус к современной — большой и серьезной — комедии? Говоря эти слова—большой и серьезной, — я вовсе не беру под сомнение право на существование водевиля.

Нет, и талантливо написанный, утверждающий нашу советскую действительность водевиль, говоря словами одного из героев Грибоедова, есть вещь. Я называл здесь «Неравный брак» В. Константинова и Б. Рацера, «Не верьте мужчинам» А. Софронова. Вспомним его же «Миллион за улыбку» или «Квадратуру круга» и «Миллион терзаний» В. Катаева.

Но, во-первых, обращаясь к водевилю, наши театры нередко не задумываются ни над его положительным содержанием, ни над теми недостатками, которые водевиль высмеивает, а движимы одним лишь желанием — создать зрелище как можно посмешнее. А во-вторых, традиция советской комедии, у истоков которой стояли Б. Ромашов и В. Шкваркин, В. Катаев и К. Финн, А. Корнейчук и К. Крапива и другие мастера этого острого, боевого жанра, не сводится только к водевилю. Она предполагает комедию не только положений, но и нравов. Разве не яркие тому примеры послевоенного времени — «Калиновая роща» А. Корнейчука или «Московский характер» А. Софронова? Заметным произведением в этом жанре является в последние годы и «Старая дева» И. Штока. Пьеса талантливая, с ярким, одновременно и комедийным, и положительным характером в центре; однако с момента ее написания тоже минуло не так уж мало времени. Сегодня же интрига многих наших комедий вращается преимущественно вокруг любовных взаимоотношений героев. Что же, советские комедиографы никогда не чурались любви. Но не сводили содержание своих произведений только к ней, поднимая одновременно серьезнейшие вопросы нашего общественного бытия. Есть ли сегодня новые пьесы, равные по масштабам постановки проблемы, глубине и крупности характеров, остроте конфликта таким произведениям, как «Московский характер» и «Калиновая роща», комедии К. Крапивы и Б. Ромашова?

Поредели, по причинам малопонятным, и ряды комедиографов. Отошел от комедийного жанра А. Корнейчук. Не появляется новых комедий остроумнейшего писателя, талантливого мастера этого жанра С. Михалкова. Почти не выступает как комедиограф К. Финн. Не работают в жанре комедии многие ведущие современные драматурги. На последнее можно возразить: каждому, мол, свое. Но когда-то А. Островский создал не только такие драмы, как «Гроза» и «Бесприданница», но великолепные комедии — «Свои люди — сочтемся», «Волки и овцы», «На всякого мудреца довольно простоты»... Традиция Островского плодотворно развивалась и в наше время. Б. Ромашов был автором не только «Огненного моста», но и «Воздушного пирога» и «Конца Криворыльска»; А. Корнейчук написал не только «Гибель эскадры» и «Платон Кречет», но и «В степях Украины», Л. Леонов — не только «Барсуки» и «Нашествие», но и «Обыкновенный человек». Интересы советского театра требуют развития и этой весьма существенной традиции.

Минувший театральный сезон принес две новые комедии А. Макаенка. Одна из них—«Трибунал» — является талантливой и успешной разведкой в области решения средствами комедийного жанра событий Великой Отечественной войны. Другая — «Затюканный апостол» — посвящена теме международной. Темы эти требуют к себе пристального внимания, особенно тема международная. Здесь вклад советских комедиографов может быть весьма заметен и весом, поле деятельности для них открывается широкое. Но, к сожалению, международная тема в целом не получает со стороны драматургии и театра того внимания, которого заслуживает.

Что составляет сильную сторону «Затюканного апостола»? Да то, что автор показывает, как современная буржуазная общественная жизнь с ее античеловечными законами отражается в жизни одной обыкновенной буржуазной семьи, формирует ее по своему образу и подобию, разобщает членов семьи между собой, ставя их во враждебные отношения друг с другом.

Задача театра, обращающегося к комедии А. Макаенка,—дать возможность зрителю в полной мере ощутить эти различия, почувствовать превосходство нашего общественного и социального строя, нашего нравственного кодекса.

Думая о комедии, я вспоминаю афористическое выражение Вл. Маяковского об остротах: оружия любимейшего род. В полной мере может быть отнесено это определение и к комедии. Есть в этом роду оружие мелкокалиберное и есть далькобойное. Очень важно, чтобы развивались все виды этого оружия, чтобы «во весь голос» звучала комедия с подмостков нашего театра, помогая нам «строить и месть», бороться за наши идеалы и утверждать их.

На снимках: *сцены из спектакля «ЗАТЮКАННЫЙ АПОСТОЛ». Сын — артист А. ЛЕВИНСКИЙ, папа — артист Ю. АВШАРОВ, мама — артистка З. ЗЕЛИНСКАЯ.*